

ны. В Архангельской области подобные топонимы распространены на всей территории за исключением пяти районов: Вилегодского, Котласского, Ленского, Лешуконского и Няндомского.

Согласно этим данным легко устанавливается, что термин *калита* не был узколокальным, а имел довольно широкое распространение на территории Русского Севера.

Ю.Б.Попова

Ономастиологические особенности русских коллективных прозвищ

Коллективные прозвища, под которыми нами понимаются именованья жителей какого-либо населенного пункта (региона), не связанные с соответствующим топонимом и выполняющие характеризующую функцию, представляют собой очень интересный в номинативном отношении разряд ономастики. В настоящей статье ономастиологические особенности русских коллективных прозвищ рассматриваются на антропонимическом материале, извлеченном из полевых картотек Топонимической экспедиции Уральского государственного университета по территориям Русского Севера и Урала (далее – ТЭ), а также из различных фольклорных и этнографических источников³³.

Как известно, в структуре любого номинативного процесса, развивающегося по обычной схеме, выделяются следующие компоненты: субъект (S) и объект (O) номинации, язык как орудие создания имени и номинативная ситуация, которая задает условия для S и O, определяет степень их контакта. Исключением не является и ситуация создания коллективных прозвищ.

³³ *Даль В.И.* Русь – Родина // *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1989. Т.2. С. 288–304 (далее – Д.); *Забылин М.* Русские народные присловья // *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Минск, 1991. С.571–581 (далее – З.); *Зеленин Д.К.* Великорусские народные присловья как материал для этнографии; Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: (Этнографический и историко-литературный очерк) // *Зеленин Д.К.* Избр. труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. С. 38–104 (далее – Зел.); *Сахаров И.П.* Русские народные присловья // *Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым.* М., 1990. С. 203–224 (далее – С.); *Снегирев И.М.* Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996. С. 557–576 (далее – Сн.).

1. Субъект номинации

Для субъекта номинации специфично то, что он, как правило, находится вне номинируемого коллектива. Этот вывод можно сделать на том основании, что в нашем материале нет практически ни одного самоназвания; изученные источники, нередко называющие коллектив, в речи которого употребляется прозвище, не содержат указаний на факты «автономинаций». Следует также учитывать, что среди экспрессивно окрашенных прозвищ очень много единиц с яркой пейоративной семантикой (*арменки глупые* [Д.296], *вшивики* [Зел.88], *волчьи объедки* [Д.292, 3.579, С.217], *ворвань тухлая* [Д.301] и т.д.), но весьма редитетны прозвища с мелиоративной коннотацией. А мелиоративные мотивировки, скорее всего, восходят к самоназваниям. Редитетность их в прозвищном ономастике говорит о том, что в самоназваниях нет особой необходимости: потребность номинировать других является значительно более острой, чем потребность в самоназвании.

2. Объект номинации

В сфере коллективных прозвищ объектом номинации являются, как известно, жители определенной местности. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что этот объект номинации совпадает с объектом номинации в сфере оттопонимических названий жителей. Под оттопонимическим названием понимается наименование коллектива жителей какого-либо населенного пункта, образованное от соответствующего топонима (например: *Нефедово* → *нефедовцы*, *Яреньга* → *яреньжан*, *Дорогорское* → *дорогора* и др.). Несмотря на единство объекта номинации, он рассматривается в этих двух классах онимов по-разному, что связано с различием целеустановок субъекта при номинации объекта. Оттопонимические названия лишь выделяют объект из класса других объектов и являются фактами прямой номинации. Задача же коллективных прозвищ – характеристика объекта. В то же время следует отметить, что анализируемые ономастические разряды не следует резко отграничивать друг от друга, т. к. коллективное прозвище может возникнуть в результате переосмысления оттопонимического названия, ср.: *Ревдино* → *ревдинцы* (оттопонимическое название) → *ревуны* (коллективное прозвище) [ТЭ], *Лопшеньга* → *лопшари* (оттопонимическое название) → *лапшари*, *лопшари-зубари* (коллективные прозвища) [ТЭ].

3. Номинативная ситуация

Как уже отмечалось выше, номинативная ситуация задает условия и временные рамки контакта S и O. По отношению к изучаемому антропонимическому материалу следует предположить, что процесс рождения коллективного прозвища вряд ли продолжителен: скорее всего, прозвище отражает те свойства объекта, которые отмечаются субъектом номинации вскоре после знакомства с объектом. Это подтверждается тем, что в нашем материале зафиксировано большое количество мотивировок, отражающих речь и внешний вид объекта номинации, а также значительная группа, отражающая характер занятий коллектива жителей определенной территории, его ремесло. Эта группа названий могла появиться в ходе торговых контактов между различными коллективами: такие кратковременные встречи, в результате которых осуществлялось номинирование друг друга, могли происходить на больших ярмарках, базарах и т.п., на которые съезжались жители со всей страны, со всех губерний и где ярко были видны различия между коллективами. Одни отличались речью, другие – внешним видом, третьи – занятием, вследствие чего рождались различные прозвища.

Следует также выделить особенности номинативной ситуации, обуславливающие неравномерность количественной представленности коллективных прозвищ в ономастических различных регионов. Такого рода особенности можно наблюдать в ходе полевого сбора материала в условиях экспедиции. Так, встречаются территории, где коллективные прозвища чрезвычайно активны (фиксируются по отношению к жителям практически каждого населенного пункта). В таких регионах, как правило, деревни отдалены друг от друга или же противопоставлены по ландшафтным условиям, что создает предпосылки для появления прозвищ. К примеру, на территории Вашкинского района Вологодской области четко выделяются три ландшафтных зоны: озерная, лесная и речная. В этом районе фиксируется большое количество коллективных прозвищ.

Другим фактором, обуславливающим активность коллективных прозвищ в региональном ономастике, является возможность частых встреч населения в ходе промысловых работ, при осуществлении торговых контактов и т.п. Ср. ономастики Приморского и Мезенского районов Архангельской области, жители которых – в составе бригад из разных деревень – совместно осуществляли промысел морского зверя. В

таких условиях возникала необходимость дифференциации жителей различных деревень, что привело к возникновению значительного количества коллективных прозвищ.

Однако ландшафтная однородность территории, отсутствие кустового принципа расселения, замкнутый характер трудовой деятельности препятствуют, в некоторых случаях, созданию коллективных прозвищ (например, в ономастиконе Котласского района Архангельской области прозвищные именованья не функционируют).

4. Язык как орудие номинации

Язык – орудие создания, а также условие функционирования имени в дальнейшем. В плане языковой специфики прозвищный ономастикон представляет собой особую группу.

Необходимо оговорить эти особенности.

1. Коллективные прозвища нередко оказываются тесно связанными с фольклорным текстом, вследствие чего следует сформулировать критерии разграничения прозвищ и присловий:

а) присловье представляет собой текстовое образование, прозвище же – факт языка, вследствие чего прозвище должно иметь номинативную функцию, оно может быть выделено из текста и использоваться во внетекстовой ситуации. Таким образом, прозвище должно быть коммуникативно-значимым, выполняя дифференцирующую функцию;

б) не стоит забывать о том, что присловье является фольклорным текстом – со всеми его стилевыми особенностями. На этом основании нами не выделялись прозвища из тех присловий, которые были зарифмованы, т. е. факт присутствия рифмы сразу же относил данный текст к фольклорному жанру (ср.: *Любимые ловцы – даниловцы невыдавцы, а романовцы – схорони концы*. Вряд ли сочетания *любимые ловцы* или *схорони концы* употребляются вне текста присловья; трудно признать типичными предложения типа **Вон идут схорони концы*).

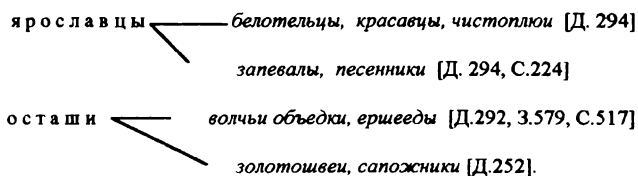
2. Особенностью нашего материала является наличие довольно большого числа номинативных рядов прозвищ, каждый из которых относится к одному объекту номинации (т.е. часты случаи, когда для одного коллектива жителей существует несколько имен). Охарактеризуем специфику этих рядов.

Во-первых, в них может развиваться одна мотивировка – так, что элементы ряда оказываются связанными между собой (например: астраханцы – белужники, икорники, ворвань тухлая [Д. 301]; ко в-

ровцы – коробейники, офени, проходимцы [Д. 294]). Последняя группа прозвищ интересна также тем, что мотивировка одного из них проявляется лишь при его сопоставлении с другими членами ряда, т.е. именно в парадигме. Имеется в виду прозвище *проходимцы* (ср.: *проходимец* ‘странник, путник, путешественник’ [Даль 3,524]).

Случаи образования гнезд прозвищ, объединенных сходными мотивировками, встречаются и среди ситуативных прозвищ (например: *слобожане* – *грободеры, жидокопы, мертвокрады*: «Слобожанин будто бы откопал труп еврея, полагая, что евреев хоронят с деньгами» [Зел. 98]).

Во-вторых, иногда происходит выстраивание нескольких рядов прозвищ, образованных от разных в тематическом плане основ и не соотносящихся друг с другом, например:

Можно выделить несколько причин появления рядов обоих типов:

а) наличие разных функциональных сфер бытования прозвища, в связи с чем в каждой из сфер употребляется свое прозвище или свой семантический ряд прозвищ;

б) разносуъектная характеристика одного коллектива (можно предположить такую ситуацию, когда субъектов номинации было несколько, и каждый из них выделил у объекта номинации свою характерную черту и в соответствии с ней номинировал объект);

в) ситуация формирования прозвища, связанная непосредственно с языком, с особенностями прозвищной деривации, т. е. тот случай, когда возникают различные возможности появления имени на базе одной производящей основы или же различных лексем.

3. Нужно также отметить и то, что работа языка над прозвищем нередко подчинена целям экспрессивной характеристики: можно сказать, что перед субъектом номинации стоит задача наиболее экспрессивно охарактеризовать объект. В связи с этим в некоторых случаях следует предположить существование нескольких этапов, которые про-

ходит номинация, стремясь к большей зашифровке и экспрессии. Такого рода явления на материале апеллятивной лексики отмечает Т.В. Матеева, выделяя парадоксальную внутреннюю форму как средство создания экспрессивности, например: *натрезвониться* 'наестся досыта', *учесать* 'уйти, убежать'⁵⁴.

В результате реализации многоступенчатых номинативных ходов появляются прозвища типа *сельди тухлые*, *ворвань тухлая* и т.п., при этом нужно учитывать, что онимы такого рода входят в разные системы прозвищ, т.е. каждое из них имеет эквивалент, равный по семантике и мотивировке, но менее экспрессивный (например: *а с т р а х а н ц ы* – *белужники*, *икорники* → *ворвань тухлая* [Д.301]; *к р ы м ц ы* – *селедники* → *сельди тухлые* [Д.302]).

В обоих случаях прозвища этих систем содержат в себе комплекс мотивов: в основу таких прозвищ мог быть положен признак места жительства данного коллектива (у воды, в местах, где водится рыба), а также занятия (рыболовство) или гастрономических пристрастий (рыба). Но все эти мотивы номинации уже отражены в относительно нейтральных прозвищах системы (*белужники*, *икорники*, *селедники*) – тем не менее номинация идет дальше – к большей степени зашифрованности и экспрессивности: в результате сравнительно нейтральное прозвище *селедники* дает следующее – *сельди тухлые*, наделенное яркой пейоративной семантикой.

Таким образом, мы видим, что номинация проходит длинный путь от реального, жизненного факта (место жительства, занятие, гастрономия) до ярко выраженной в прозвище экспрессии. И этим (но и не только) коллективные прозвища явно отличаются от оттопонимических названий, для которых характерна прямая, нейтральная номинация без экспрессии и зашифровки.

4. Подчеркнем, что появление рядов прозвищ, номинирующих один объект номинации, во многом обусловлено тем, что, как уже отмечалось, коллективные прозвища реализуют не столько дистинктивную, сколько характеризующую функцию: в этой ситуации ослабляется потребность однозначно назвать объект (такую потребность реализуют оттопонимические названия) – но, напротив, возрастает возможность варьирования наименования. Особое внимание привлекает и наличие

⁵⁴ Матеева Т.В. Оценочная внутренняя форма как средство экспрессивности // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. Вып.2. С.142–148.

необычных ситуативных мотивировок, которых довольно много в нашем материале. Наибольший интерес вызывают прозвища с ситуативными мотивировками, к которым очень сложно подобрать реальную мотивировку, найти «бытийный» мотив. Это связано с оформлением прозвища, в форму которого уже непосредственно заложена событийность, стимулирующая появление ситуативной мотивировки (например: *слобожане – грободеры, жидокопы, мертвокрады* [Зел.98]). Все эти прозвища имеют одну ситуативную мотивировку и представляют собой тематическое единство, которое подчеркивается и единообразием словообразовательной модели прозвища; они ярко событийны, ситуативны.

5. Нужно также отметить, что зачастую мы встречаемся с ослабленной схемой номинативного процесса, когда номинатор не проходит все этапы номинации (от подготовки идеального содержания к объективации до выбора звуковой оболочки имени). Субъект номинации избирает готовое прозвище, готовую модель и номинирует им другой коллектив. Это возможно во многом потому, что прозвище связано с текстом, с фольклорными сюжетами, которые легко кочуют, вследствие чего кочуют и сами прозвища. Оттопонимические названия строго закреплены за объектом, коллективные же прозвища в какой-то мере факкультативны, ибо дают дополнительную характеристику объекта, а их номинативность ослаблена. Создавая новое коллективное прозвище, номинатор зачастую не изучает реальные свойства объекта, а берет готовое имя, уже существующее в языке (например: *водохлебы – бо-ровичане, кашинцы, любимцы, нижегородцы, шенкурцы* [Д.292, 3.575, Сн.550]; *толоконники – вологодцы, калязинцы, вятчи, угличане* [Д.298, Зел.38, С.206, Сн.550, ТЭ]).

6. Представляется также целесообразным рассмотреть прозвища с точки зрения образования *гнезд мотивировок*, т.е. выявить некоторые черты мотивации прозвищ (например: *ерши – «дрались шибко»; «много ершей они ловили»; «молодежь больно у них не ладила»; «на берегу жили»; «ершивые были»* [ТЭ]; *водохлебы – «много луж и река широко разливается»; «до чаю мы охочи»* [ТЭ]).

Такие мотивационные возможности есть не только у прозвищ, но и у других разрядов собственных имен, т. к. ономастическая лексика нагружена в номинативном плане (один и тот же оним может использо-

ваться при номинировании значительного числа объектов), в результате чего у имени собственного нередко существует несколько мотивировок.

Например, разветвленная система мотивировок нередко наблюдается у одного топонима; при этом мотивировки отражают различные свойства объекта номинации или же ситуацию, связанную с объектом (ср.: ур. *Кадочка* – 1) «*видно, кадушечка была вкопана*»; 2) «*круглая такая, покато*»⁵⁵).

Вероятно, многообразие мотивировок в гнездах указывает на их случайность, вторичность некоторых из них. Обилие мотивировок нередко является также следствием образности прозвища: образное прозвище информанты могут интерпретировать по-разному, отсюда появление различных мотивировок. И это прежде всего зависит от природы самого образа (например: *горшки* – «*гончары были*»; «*горшечник у них в деревне был*»; «*горшки делали*»; «*они все маленькие какие-то были – потому горшки*» [ТЭ]).

Последняя из этих мотивировок выбивается из общего ряда, т. к. она образна. Можно предположить, что данная мотивировка является наиболее поздней. Вероятно, в этой деревне раньше действительно были гончары, жил горшечник и т. д., но теперь эти явления ушли из действительности, прежний мотив стал несущественным, и информанты, чтобы объяснить это прозвище, дают новую, более правдоподобную, на их взгляд, мотивировку. Попутно отметим, что образные мотивировки весьма раритетны в сфере коллективных прозвищ, более широко они распространены в индивидуальных.

Анализируя мотивационные гнезда, мы замечаем, что некоторые из мотивировок, функционирующих в составе разных гнезд, построены по идентичным моделям, что говорит о существовании в ономастическом сознании информантов устойчивых моделей мотивировок, например: *ворона* – *«старик вместо чухаря сварил ворону», «был старик по прозвищу Ворона и всех жителей стали звать воронами»; *совы* – *«съели когда-то сову»; «сов ловили»; «совы в Дорогорах живут, не спят по ночам, а смотрят» [ТЭ].

И в том и в другом случае первые мотивировки в гнездах образованы по аналогичным моделям. Совершенно естественно, что такое соответствие наталкивает на мысль, что в этих мотивировках отражены

⁵⁵ Рун М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. С.108.

фольклорные моменты. Прозвище – это как бы формула устного народного творчества, для которого характерно варьирование, повторяемость одной модели.

Отметим также, что при создании прозвища номинатор пользуется разными принципами номинации: 1) отражение в номинации свойств объекта – квалитативная номинация; 2) отражение в номинации отношений объекта с другими объектами – релятивная номинация; 3) ситуативная номинация.

Квалитативная номинация является наиболее употребительной, релятивная же очень редка: в классификации релятивные названия группируются в один раздел – «место жительства». Это объясняется тем, что коллективные прозвища прежде всего выполняют характеризующую функцию, выявляя специфику самого объекта номинации. Промежуточное положение в количественном соотношении занимает ситуативная номинация, она довольно часта, что свидетельствует о том, что в языковом сознании номинаторов существует ситуативная модель, которую он использует в тех случаях, когда его не удовлетворяют мотивировки, основанные на реальных свойствах объекта. Так или иначе, но составляя гнезда мотивировок, мы видим, что почти в каждом из них есть ситуативная, например: *воры – *«Иона Коровин торговал, подкупил людей жену убить; жену убили, он взял дружку от Глушаевых, она воровка была»; «дорога была, на лошади как едешь, остановишься там, так обязательно что-нибудь пропадет»* [ТЭ];

*зайцы – «в лесу живем»; «пугливые были»; *«кто-то убил зайца и на ворота повесил»* [ТЭ];

*пестери – *«березовые лбы, в штаны с сосны запрыгивали»; «плели пестери из бересты и продавали их»* [ТЭ].

7. Интересным представляется проследить среди коллективных прозвищ тенденцию к образованию соотносительных рядов, элементы которых объединены семантической связью. Явление такого рода встречается в прозвищном ономастиконе⁵⁶, однако семантическая связь используется преимущественно в сфере индивидуальных прозвищ, служа средством для обозначения внутрисемейных отношений. Среди коллективных прозвищ семантические ряды встречаются довольно редко;

⁵⁶ Березович Е.Л. Семантическая связь наименований в прозвищной антропонимии // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока: Тез. докл. Красноярск, 1991. С.103–105.

функция таких связей – указание на соседские отношения коллективов жителей различных деревень, например: *кукушки – совы – тетеры – железени* (< *селезени*) – жители соседних деревень в Мезенском районе Архангельской области; *камашники – лапотники* – жители соседних деревень в Коношском районе Архангельской области; *турки – японцы; ерши – окуни* – жители соседних деревень в Приморском районе Архангельской области [ТЭ].

8. Стоит также отметить, что при образовании прозвищ нередко наблюдается явление языковой игры, которая может реализоваться с помощью различных приемов:

а) прием рифмы: прозвище иногда не имеет мотивировки, а просто рифмуется в прибаутке, бухтине, дразнилке, побасенке, например: «*Лопшари – зубари, яренжана – пестери, Дураково – Ревяково, Золотица – Еретица, Пушлахта – Наважка*» [ТЭ]; «*Мезени – железени, Никола – колокола, Лампожцы – песцы, Заозерье – кресцы*» [ТЭ]; «*Палуга – зелена, Кеслома – ворона, Юрома – воровка, Тиглява – колотвка*» [ТЭ];

б) использование особых словообразовательных моделей, создающих парадоксальную внутреннюю форму прозвища: ср. компонент *-еды*, характерный для многих коллективных прозвищ, например: *векшееды* [Д.298, ТЭ], *гужееды* [Зел.78], *ершееды* [Д.292, 3.579, С.217, Сн.550], *шерстоеды* [ТЭ] и т.п.;

в) игровое переосмысление топонима, обозначающего место жительства носителей прозвища, например: *Лопшеньга* → *лопшари* → *лапша* (ели лапшу).

На основании всего вышесказанного можно говорить о том, что номинация в прозвищах является живым, не застывшим, а постоянно развивающимся процессом (или являлась таковой до недавнего времени). Это напрямую связано с тем, что прозвища, как не раз отмечалось, имеют непосредственные выходы в текст, функционируя в составе присловий и как бы «обтачиваясь» текстом. Прозвища развиваются в ткани текста, т. к. в присловье они не являются застывшей формулой, а движутся и переосмысливаются – в связи с этим появляется множество вариантов, которые выстраиваются в семантические ряды.

Таким образом, описанные номинативные особенности позволяют говорить о семантическом своеобразии коллективных прозвищ, выделяющем их из других разрядов ономастики.